

— Вы что, все разучились работать? Можете работать — работайте, а не можете — выберите себе кладбище, считайте, это мой вам прощальный подарок, — помрачнев лицом, холодно приказала Кан Линъи. Её ледяной тон, казалось, мог заморозить окружающий воздух, так что все присутствующие замерли от страха, боясь даже пискнуть. Она повернулась и кивком велела Ло Юнь передать её слова дальше, и Ло Юнь поспешно повторила это распоряжение во весь голос.

В рабочей зоне Секты Лазурных Облаков воцарилась такая тишина, что было слышно, как падает игла. Ученики и распорядители склонили головы, не смея даже громко вздохнуть. Брови Императрицы Кан Линъи взметнулись вверх, а переполнявший её гнев походил на готовый извергнуться вулкан, обжигающий настолько, что никто не смел приближаться. Одним взмахом руки она смахнула со стола те самые дорогие сердцу диковинки вроде Нефритовых Пиксиу, которые в обычные дни берегла как зеницу ока. Они с грохотом разлетелись по полу, заставив сердца присутствующих испуганно сжаться и окончательно лишившись способности издать хоть звука.

— М? Что здесь происходит? Что заставило Старшую госпожу Е так разозлиться, что она срывает злость на вещицах стоимостью в пару-сотен миллионов, купленных на аукционе? — раздался низкий, уверенный голос. Мужчина в безупречно скроенном и отутюженном костюме непоколебимо, подобно величественной горе, высился в проходе просторного и исключительно светлого кабинета Кан Линъи. Его прямой стан в каждом движении излучал зрелость и основательность. Лицо было сурово, словно покрыто инеем, уголки рта плотно сжаты в тонкую линию, а глубокий взгляд холодных озерцов источал пронизательность и исследовательский интерес, словно он пытался с первого взгляда насквозь раскусить причину происходящего.

Стоявшая рядом Лин Чужань при виде этой картины мгновенно оживилась. Ведя себя точь-в-точь как уличный хулиган, она легкомысленно свистнула так громко и звонко, что резкий звук на мгновение разорвал мёртвую тишину. Затем она легонько толкнула локтем стоявшую рядом Кан Линъи и, нарочно понизив голос, но так, чтобы мужчина у двери непременно расслышал, протянула: — Эй, Линъи, только посмотри, да это же твой красавец-брат, который рубит головы не задумываясь! — С этими словами она еще и озорно подмигнула мужчине в дверях, а на её лице застыла лукавая и слегка шкодливая улыбка — её совершенно не волновала царившая вокруг напряженная атмосфера.

На безупречном лице Кан Линъи тут же промелькнуло глубокое выражение досады. Её брови, подобные тонким ивовым ветвям, сошлись на переносице, образуя легкие складки, а длинные ресницы едва заметно затрепетали, словно безмолвно жалуюсь на душевную смуту. В следующий миг она с предельной безнадежностью закатила глаза — в этом взгляде читалось невыразимое презрение и немая ошеломленность, словно её лицо говорило: «Надо же было припереться именно сейчас».

Лин Чужань надула губы и возмущенно протянула: — Кан Линъи, я тут изо всех сил стараюсь тебя развеселить, а ты глаза закатываешь — это по какому праву? Разве так можно поступать с Главой этой долины? — Она уперла руки в боки, приняв вид оскорбленной справедливости.

Кан Линъи без лишних слов протянула руку, ухватила Лин Чужань за капюшон на затылке и слегка дернула его, полушутя-полугрозно укоризненно произведя: — Не вынуждай меня

отвесить тебе затрещину, и ради всего святого, смени эту супер-пупер толстовку первоклассницы, на кого ты вообще похожа. — В её тоне сквозило хотя и напускное, но всё же полное тесной близости порицание.

Лин Чужань потеряла дар речи и выдавила из себя лишь одно слово: — Шесть, — после чего подняла руку, чтобы поправить растрепавшийся капюшон, и презрительно скривила губы.

Кан Линъи, охваченная раздражением, с громким металлическим звоном швырнула меч на стол, наконец перевела взгляд на Е Наньсяня и тихо фыркнула. Медленно скрестив руки на груди, она склонила голову и улыбнулась уголками рта: — Ого, а я-то думала, какая важная птица пожаловала. Обычно уважаемый генеральный директор Е настолько загружен делами семьи Е, что ног под собой не чувствует, и даже если бы небо рухнуло мне на голову, тебя днём с огнем не сыщешь. С чего это вдруг нынче выдалась свободная минута от той круговерти забот, что терзают семью Е? Неужели у тебя нашлось время побеспокоиться о моих делах? Солнце сегодня точно взошло на западе, редчайшее зрелище. — Сказав это, она игриво повела плечом и отвернулась, её взгляд небрежно скользнул по комнатным растениям, а на губах никак не удавалось скрыть насмешливую улыбку — этим показным легкомыслием она пыталась заглушить бурю внутри.

Е Наньсянь от такого её вида одновременно испытал и смех, и грех. Его соболиные брови мгновенно сошлись на переносице, и он, изображая крайнее неудовольствие, сделал шаг вперед, угрожающе погрозив Кан Линъи пальцем: — Как ни крути, а я твой старший брат! Не смей пользоваться тем, что я балую тебя, и вести себя со мной день за днем без всякого уважения. На людях я действую решительно и бескомпромиссно, а перед тобой вся моя строгость куда-то улетучивается? А ну прекрати эти бесчинства! — На этих словах он на мгновение умолк, лицо его посерьезнело: — Через минуту поедешь со мной, у меня есть к тебе дело, без канители. — В его словах звучали непререкаемые нотки, но во взгляде крылась сугубо братская забота — он слишком хорошо знал, что раз сестра начала так капризничать, значит, её и впрямь довели до ручки.

Кан Линъи как раз ломала голову над горой документов. Услышав слова Е Наньсяня, она лениво изогнула изящный палец, изобразив аккуратный и озорной жест Окей. Слегка подавшись вперед, она закинула копну темных волос за плечо — мягкие пряди прочертили в воздухе изящную дугу, — после чего с головой ушла в кипу важных контрактов, напоминавшую горную вершину. Перебирая бумаги, она шуршала ими, и от каждого движения поднимался легкий ветерок, заставляющий несколько выбившихся прядей щекотать щеку, но на это уже не оставалось времени. Нахмурив брови, она бегло сканировала документ за документом, время от времени бормоча себе под нос: — Тсс, куда же я его дела... — Её сосредоточенный и торопливый вид напоминал человека, ведущего борьбу наперегонки со временем.

Поиски продолжались довольно долго, пока наконец знакомый верхний колонтитул не попался ей на глаза. Выхватив контракт с Семей Е, она выпрямилась и с облегчением выдохнула, её грудь слегка вздымалась. Кан Линъи протянула контракт Е Наньсяню, небрежно щелкнув по нему ногтем: — Держи, подписывай, я уже поставила свою печать. — В её тоне слышалось три доли насмешки и семь долей беспечности, от прежнего раздражения не осталось и следа, и к ней вернулось присущее Императрице хладнокровие.

Е Наньсянь взял документ, но не стал сразу перелистывать страницы. Слегка опустив взгляд, он своими длинными пальцами мерно постукивал по жесткому краю обложки — раз за разом, словно испытывая собственные весы взвешивания за и против. Его соболиные брови слегка хмурились, а в глубоких глазах таилась бездонная омут-бассейн, где сейчас поднимались темные волны раздумий. В мыслях перед ним мгновенно выстроилась вся запутанная сеть дел Семьи Е: тонкие колебания рыночных тенденций, темпы распределения ресурсов по отделам, а также ожидаемая прибыль и скрытые риски проекта, о котором шла речь в контракте, — всё это пронеслось перед глазами, словно мелькнувшие спицы карусели. Он прекрасно понимал, что деловой мир подобен шахматной доске, где один ошибочный ход ведет к поражению всей партии, и даже если этот контракт заключен с родной сестрой, здесь нельзя было относиться к делу спустя рукава. То, что Кан Линъи уже поставила свою подпись, несомненно, свидетельствовало о её колоссальном доверии и решимости; это тяжелое доверие обязывало его к еще большей осмотрительности. Наконец, он словно смахнул пелену последних сомнений, медленно поднял голову, его глубокие глаза вновь стали ясными, и он утвердительно и с облегчением кивнул: — Раз уж ты во всем разобралась и взвесила каждую мелочь, то продвигать дело по этой схеме вполне надежно. — После этих слов между братом и сестрой в воздухе тихо повисло то самое взаимопонимание, что не нуждается в лишних словах.

С трудом дождавшись окончания рабочего дня, Кан Линъи чувствовала себя так, будто только что вырвалась из долгой и изнурительной битвы — тело и душа были на пределе. Бесконечные стопки бумаг в кабинете, нескончаемые совещания и вечные промахи подчиненных превратились в тяжелые свинцовые гири, сковавшие каждый её сустав. Волоча тяжелые ноги, она заставляла туфли на высоком каблуке отстукивать по полу спешный и раздраженный ритм, прямиком направляясь к резиденции Семьи Е. За окном автомобиля мелькали городские пейзажи, слепя глаза разноцветными неоновыми огнями вывесок; веселый смех и оживленные разговоры прохожих, кои по идее должны были нести в себе тепло человеческого жилья, сейчас никак не могли пробиться сквозь возведенную ею ледяную броню и ни на йоту не уняли скопившуюся на сердце тяжесть.

Переступив порог особняка Семьи Е, она ощутила, как её окутал знакомый аромат сандалового дерева, смешанный с запахом родного очага. В гостиной мягкий желтый свет заливал пространство уютным сиянием; Е Наньсянь лениво откинулся на спинку широкого и мягкого дивана, расположившись вальяжно и непринужденно. Его длинные прямые ноги были небрежно скрещены, а из-под брюк виднелась узкая полочка аккуратных щиколоток, выдавая в нем небрежный шик. В руке он небрежно листал древний фольклор, и пожелтевшие страницы шелестели под пальцами, казалось, замедляя ход времени. Время от времени он поднимал глаза на входную дверь: поначалу в его взгляде читалась праздность, но чем дольше приходилось ждать, тем быстрее эта праздность сменялась беспокойством — оно наплывало на душу подобно приливу, с каждой секундой становясь все гуще и тревожнее.

Наконец, раздался четкий стук каблуков по полу, и Кан Линъи вошла в комнату. Завидев Е Наньсяня на диване, она презрительно скривила губы в усмешке — эта улыбка походила на ледяной сталактит под зимней крышей, холодная и острая, лишенная тепла, она отдавала мертвецким холодом. — Ого, а у молодого господина Е и впрямь уйма свободного времени, раз он сидит здесь и ждет меня сложа руки, — бросила она, приближаясь размеренным, элегантным шагом. Каждый удар её туфель о пол отдавался в тишине гостиной так громко, словно её каблуки стучали прямо по сердцу Е Наньсяня.

Уловив яд в её словах, Е Нансянь легко вздохнул, закрыл старинную книгу, положил её на журнальный столик и медленно поднялся. Выпрямив стан, он в несколько шагов оказался перед Кан Линъи, вглядываясь в её уставшее и злобное лицо, пытаясь расшифровать хоть что-то в её глазах. Тихо проговорил он: — Что-то расстроило тебя? Расскажи своему брату. — В его голосе отчетливо слышалось теплое, ничем не прикрытое участие, словно зимнее солнце, пытающееся растопить наледь вокруг неё.

Кан Линъи прошла к дивану и рухнула на него с такой силой, словно у неё совсем не осталось костей, после чего машинально принялась вертеть в пальцах стоявшую на столе чайную чашку. Обводя тонкими пальцами её ободок и глядя куда-то в пустоту, она равнодушно обронила: — Какая разница, говорить или нет? В конце концов, искренних людей в этом мире изначально раз-два и обчелся. — С этими словами она наконец перевела взгляд прямо в глаза Е Нансяня. В её глазах сквозили упрямство и обида, напоминавшие одновременно вызов и немое ожидание — словно она ждала, что кто-то разобьет воздвигнутую ею ледяную стену, отчаянно жаждая капли тепла и понимания.

Е Нансянь на мгновение задумался. Он слишком хорошо знал её колючий нрав ёжика: раз она приняла такой вид, значит, её обидели до глубины души. Помолчав немного, он чуть кивнул, его голос зазвучал ровно и мягко: — Верно, порой изливать душу — не значит находить утешение. Но если захочешь выговориться, я всегда готов выслушать. — Сказав это, он опустил на другой конец дивана, не давя на нее больше, а просто оставшись рядом, чтобы выразить поддержку молчаливым присутствием.

Сохраняя расслабленную позу, Кан Линъи полулежала в массивном старинном резном кресле из грушевого дерева, напоминая покрытую грозowymi тучами нефритовую статую, утратившую живость и погруженную в мрачные думы. Брови её сошлись глубокой складкой в виде иероглифа «чуань», а закипавший в груди гнев грозил прорвать плотину, начисто смывая остатки бывшего спокойствия. Тонкие пальцы беспрестанно теребили изящную крышку чайной чашки — тук-тук, каждый удар рождал отчетливый звон, который в зловещей тишине комнаты звучал слишком громко, отсчитывая секунды подобно часам бомбы и нагнетая и без того удушливую атмосферу.

Слегка приподняв веки, она посмотрела на окутанные туманом горные вершины за окном — цепь пиков утопала в клубах серой дымки, скрывая очертания точно так же, как запутанное положение дел в её странствиях последних лет и трудности при возвращении во дворец. Все прошлые неприятности замелькали в её голове, словно на карусели, и во взгляде вспыхнула ледяная жесткость, способная заморозить всё вокруг. Поднеся чашку к губам, она сделала маленький глоток: кипятки обжег горло изнутри, но не смог заглушить пробирающий до костей холод, лишь сильнее раздув огонь на дне души. На её губах появилась кривая, не сулящая ничего хорошего улыбка, а слова сочились ядом, словно смазанные отравой клинки: — Наши почтенные старейшины ужасно недовольны тем, что я вернулась и отобрала власть. Не прошло и трех лет моего отсутствия, как они осмелели до такой степени, что повсюду притесняют Ло Юнь. Неужели они считают меня размягченной глиной, из которой можно лепить что вздумается? Ха! Подобное запредельное наглство — верх глупости! — Каждое слово было пропитано скрипом зубов от ненависти.

Е Нансянь сидел рядом, выпрямившись, но сохраняя расслабленный вид, и задумчиво постукивал пальцем по подлокотнику — мерно, ровно, обдумывая услышанное. Он поднял

глаза на Кан Линъи: лицо его оставалось гладким, как зеркало озера, но на дне зрачков бурлили скрытые течения, оценивающие всю сложность сложившейся ситуации. Уловив суть ее слов, он заговорил не спеша, ровным и успокаивающим тоном, словно каждый его довод попадал точно в цель: — Как-никак, а они старейшины, ветераны, что добывали славу вместе с твоим Наставником при создании Секты Лазурных Облаков. В былые годы они грелись в лучах славы и совершали великие подвиги; даже после тех потрясений трехлетней давности, сколько бы слухов ни ходило в народе, открыто бросать им вызов всё еще опасались. Только вот время идет, люди меняются, аппетиты растут, и они окончательно потеряли берега, обнаглев сверх всякой меры. Не трудно представить, через какой ад одиночества и хождения по лезвию ножа пришлось пройти Ло Юнь за эти три года в роли главы павильона. — Его голос звучал монотонно, без напускных эмоций, но каждое слово попадало в самую точку, обнажая те самые скрытые от посторонних глаз обиды Кан Линъи и заставляя ее чувствовать еще большую боль и гнев.

Пальцы Кан Линъи сильнее сжали чашку до побелевших суставов, казалось, она хотела раздавить фарфор в порошок. В её глазах на мгновение сверкнул ослепительный, обжигающий гнев, подобный падающей звезде — мимолетный, но несущий в себе разрушительную силу: — Когда меня вынудили уйти, это был лишь стратегический маневр ради защиты корней секты. А они? Воспользовались моим отсутствием, чтобы загнать Ло Юнь, превратили секту в свинарник. Ло Юнь обладает нестигаемым характером и стерпела все унижения молча, но разве могу я сидеть сложа руки! Теперь я вернулась и намерена навести здесь железный порядок, чтобы каждый из них уразумел, чьё слово в Секте Лазурных Облаков является законом! — С этими словами она резко взмахнула рукой и со злостью швырнула чашку на стол. Раздался громкий звон бьющегося фарфора, несколько капель горячего чая брызнули на столешницу, в точности отражая её пылающую и неукротимую решимость, способную смести любые преграды.

Подняв голову и заметив помрачневшую Кан Линъи, чьи брови были сдвинуты от усталости и гнева, Е Наньсянь мягко и неторопливо осведомился: — Уже половине девятого вечера, а ты ужинать не сядешь? — При этом он машинально повел рукой, и его взгляд упал на изящные механические часы на запястье. Серебристый ремешок высшего качества слабо блестел в теплом свете лаконичного циферблата, где три стрелки безошибочно замерли ровно на половине девятого, безмолвно подтверждая позднее время возвращения и подчеркивая его щепетильную заботу о сестре.

Кан Линъи полностью проигнорировала пыливый взгляд брата. Направившись напрямик к шкафу, она с размаху швырнула туда зажатую в руке сумочку — глухой стук эхом разнесся по тихой гостиной, заставив воздух содрогнуться. Словно поднесенный к пороховой бочке фитиль, она взорвалась потоком возмущения, выпалив на одном дыхании: — От одного воспоминания тошнит, откуда только повылазила эта старая рухлядь! — Шагая взад-вперед, она выбивала своими каблуками нервную, хаотичную дробь, каждая нота которой отдавалась ударом по чужим нервам, и продолжала изливать обиду сквозь зубы: — Раньше этот старик в секте прислуживал мне, заглядывал в рот, казался таким простым и услужливым, я к нему со всей душой относилась. А прошло всего три года — и посмотрите на него! Теперь он без зазрения совести заявляет, будто деде не подобает восседать во главе Секты Лазурных Облаков! — В её голосе бурлили ярость и горечь от предательства.

Дойдя до этого места, она широким шагом вернулась к дивану и шмякнулась на него так

сильно, что подлокотники заходили ходуном. Её брови взметнулись вверх, точно два острых кинжала, в глазах пылал дикий огонь, окрасивший некогда живые белки в красный цвет, грудь тяжело вздымалась от судорожных вдохов, а тирада не прекращалась: — На общем собрании, при стольких учениках, он не постеснялся лишить меня всякого лица! Стоял там, вытянув шею, орал на весь зал — неужели они всерьез думают, что я беззащитная овечка, которую можно безнаказанно тискать? — Каждое слово сочилось обжигающим жаром.

Е Нансянь нахмурился еще сильнее, вся его прежняя безмятежность испарилась. Пересел поближе, положил руку ей на плечо и принялся мягко поглаживать, пытаясь унять её неконтролируемый всплеск эмоций: — Успокойся ты. Раз этот старик осмелился задрать нос, значит, за его спиной кто-то стоит. Не стоит изводить себя из-за него, давай остынем и обдумаем всё с холодной головой — мы заставим его вернуть все сторицей, ты не будешь терпеть незаслуженные плевки. — В его словах звучала железобетонная поддержка, призванная вернуть сестре душевное равновесие.

Кан Линъи продолжала кругами ходить по комнате, напоминая загнанную в угол дикую кошку, каждый шаг которой источал нерастраченную злобу. Брови были сведены к переносице, в глазах полыхал пожар. Перед глазами навязчиво всплывали надменные лица старейшин, и от каждого повторения этого воспоминания градус ее ярости лишь повышался. Наконец, не выдержав, она резко остановилась, засунула руку в карман и рывком вытащила телефон. Тонкие пальцы с бешеной скоростью заскользили по экрану, отыскивая контакт Лин Чужань с какой-то отчаянной злостью. Набрав номер, она вплотную прижала трубку к уху, тяжело и часто дыша от охватившего нетерпения — казалось, еще секунда, и из ее ушей повалит пар.

После нескольких длинных гудков связь установилась, и Кан Линъи тут же сорвалась на крик: — Где Ши Цзиньчжу? Меня целый день не было в секте, и я ее не видела, дай мне ее номер! — Её голос звучал настолько резко и взвинченно, что телефонный динамик зазвенел, а в трубке слышалось недовольное кряхтение Лин Чужань.

Та явно опешила от подобного напора, но через мгновение в трубке раздался серебристый смешок, в котором смешались три доли удивления и семь долей иронии: — Разве у тебя его нет? Неужели Цзиньчжу сбрасывает твои звонки? — Лин Чужань лениво развалилась на диване у себя дома, закинув руку на подлокотник и накручивая на палец длинную прядь волос. На ее лице играла улыбка, она отчетливо представляла себе перекошенное от гнева лицо подруги. — Какая подруга станет названивать только ради сверхурочной работы? На ее месте я бы тоже не брала трубку. — Она отпустила шуточку, пытаясь разрядить обстановку, но Кан Линъи, подавленная гневом, не находила слов для ответа. Не успела она огрызнуться, как Лин Чужань не спеша добавила: — Ладно-ладно, не кипятись. Разве ты сама не отправляла Цзиньчжу пару дней назад в Туманный лес за редкими травами? Наверное, там опять нет сети, вернется — я велю ей связаться с тобой.

Брови Кан Линъи сошлись еще плотнее, голос дрожал от досады: — Тогда позаботься о Траве Бога, чтобы там не случилось накладок. Я только что вернулась, дел по горло, еще не хватало дополнительных проблем.

— Знаю я, моя дорогая Императрица! Разве ты мне не доверяешь? — Лин Чужань сладко зевонула, потягиваясь на диване. — Я лично напомню ей еще раз, а ты давай ложись спать,

хватит портить себе нервы. — С этими словами она отключилась.

Кан Линъи швырнула телефон на стол, глубоко вздохнула и обессиленно опустилась на диван. Е Нансянь протянул ей стакан теплой воды и проговорил: — Выпей немного, переведи дух. Каким бы срочным ни было дело, нельзя терять рассудок. За старейшинами я пригляжу, как только появится что-то подозрительное — сразу дам знать.

Кан Линъи приняла стакан, сделала пару глотков, и лицо ее немного посветлело: — Брат, спасибо тебе. Только вернувшись в секту, я поняла, до чего холоден мир и переменчивы люди. Былое уважение обратилось в дым.

Е Нансянь похлопал ее по плечу: — Не падай духом. У тебя в руках власть, за спиной я, а такие верные друзья, как Чужань и Цзиньчжу, всегда прикроют. Разобраться с парочкой выживших из ума стариков для нас не проблема. А сейчас займись организацией доставки Травы Бога, остальное мы обдумаем вместе.

Кан Линъи кивнула, собираясь с силами, и начала обдумывать кандидатуры для сопровождения Травы Бога. Подумав немного, она сказала Е Нансяню: — Брат, для этой миссии я хочу отправить Ло Юнь с двумя отрядами верных людей — она надежна, я ей доверяю. Но путь до Долины Лекарственного Короля долгий и опасный, всякое может случиться, так что стоит подстраховаться.

Е Нансянь одобрительно кивнул: — Ты мыслишь здраво. Я могу выделить нескольких мастеров в скрытый дозор на случай непредвиденных обстоятельств. Трава Бога слишком приметна, лишняя осторожность не помешает.

План был утвержден, и на душе у Кан Линъи стало спокойнее. Однако не прошло и двух дней, как неприятности постучались в дверь. Ло Юнь вихрем влетела в кабинет, бледная как полотно: — Ваше Величество... Траву Бога похитили!

Кан Линъи мгновенно вскочила на ноги, ее глаза налились кровью: — Что значит похитили? Какой смертник осмелился посягнуть на мою Траву Бога?!

Ло Юнь трясло от страха: — Мы едва пересекли границу владений Секты Лазурных Облаков, как нас устроили засаду. Нападавших было много, атака явно планировалась заранее, наши ученики сражались до последнего, но силы были неравны...

Кан Линъи задохнулась от гнева, духовная сила бушевала вокруг нее волнообразно: — Ищите! Выroyте из-под земли того, кто это сделал, я заставлю их заплатить кровью! — Она резко взмахнула рукавом, разбросав бумаги по полу. — Посмели тянуть лапы к тигру в пасть, совсем жить надоело!

В этот момент в кабинет вбежал Е Нансянь. Услышав новость, его лицо посуровело: — Если они смогли умыкнуть Траву Бога прямо у нас под носом, значит, за ними стоит серьезная сила.

Линъи, не горячись, давай все трезво взвесим, как бы не угодить в чужую ловушку.

Кан Линъи сделала несколько глубоких вдохов, насильственно подавляя ярость, и прошипела сквозь зубы: — Брат, ты прав. Долина Лекарственного Короля ждет Траву Бога для спасения жизни, промедление смерти подобно. Кто бы ни стоял за этим, я вырву их с корнем! — Сжав кулаки, она посмотрела вперед взглядом, полным решимости. Новая буря уже зрела на горизонте.

<http://bllate.org/book/19648/1932188>